

– Григор, я хочу задать тебе несколько вопросов.
– Задавай, я не боюсь.
– В этом может быть что-то страшное?
– Самое страшное. Ты часто получал искренние ответы на свои вопросы?
– Почти никогда.
– В этом всё дело. Люди боятся правды. Потому они придумали искусство. Это не я сказал.
– Разве искусство не есть отражение правды?
– О, нет. Искусство есть только искусство и больше ничего. Это сказал всё тот же мудрый человек.
– Значит, оно ничего не стоит?
– Наоборот, оно стоит очень дорого. Именно потому, что оберегает нас от правды. Оно создаёт идеалы.
– Значит, оно близко к правде?
– Настолько, насколько близок человек к идеалу.
– Значит, далеко?
– Это не такой простой вопрос. Видишь ли, каждый человек считает себя идеальным, пусть это далеко не так, и он сам прекрасно знает, что это совсем не так. Но он не может ничего с собой поделать, да и не имеет права думать по-другому: если он откажется от этой мысли, он будет вынужден добровольно отдаться на заклятие окружающей его стае человек. Это противоречие, этот разрыв сознания и формирует истинное отношение человека к идеалу, его реальную готовность работать над собой, совершенствоваться.

– И это продуктивно? Он продвигается хотя бы чуть-чуть к заявленному идеалу?
– Вряд ли здесь можно говорить о каком-то прогрессе.
– Зачем тогда человеку идеалы?
– Видишь ли, у человека много свободного времени. И это его проклятье – у него появляется возможность думать. Не о том, как добыть дичь или вырастить хлеб, а просто думать – о том, что такое жизнь и что такое смерть, можно ли быть действительно свободным и что такое, наконец, правда. Это ужасные вопросы. Именно потому нищий всегда счастливее богача – он озабочен лишь очень простыми, необременительными проблемами. Богачу нужны идеалы – для чего жить, чего добиваться. Это и есть искусство.

– Разве это не называется – философия?
– В сущности, философия есть часть искусства. С той же степенью уверенности можно сказать, что философия есть философия и больше ничего. И выполняет она абсолютно идентичную функцию. Просто философия есть высшее искусство, доступное немногим.

– И эта же функция – не дать человеку умереть от правды?
– Да, хотя философия вроде по своему назначению ищет правду. Но опять же только для того, чтобы не дать человеку умереть от неё. Точнее, поисками правды она уводит человека от самой правды. А единственное название правды – смерть. Смерть – абсолютная истина. И мудрец, когда говорил, что искусство дано человеку, чтобы он не умер от правды, под «правдой», конечно, подразумевал все трудности жизни и прежде всего самую ужасную её трудность – смерть. Но я бы всё-таки сказал, что искусство дано человеку, чтобы он не умер от несвободы.

– У вас не останется разногласий с мудрецом, если принять, что правда и есть несвобода.
– Точно. Людям кажется, что правда как раз и есть символ свободы, но они просто путают возможность говорить правду с самой сутью правды. А суть её – действительно несвобода, рамки. Именно она, правда, жестко и безоговорочно очерчивает наши пределы, показывает нам наши возможности и нашу суть.

– И где в итоге оказывается искусство?
– Искусство – это единственная сфера человеческой деятельности, где не существует никаких императивов. Художник всегда свободен, как вольная птица. В этом вся прелесть и единственный признак искусства; оно даёт возможность художнику творить красоту, как он её понимает.

– А что считать достижением в искусстве?

– Эту самую красоту.

– Ей можно дать определение?

– Нет. Не может быть никаких всеобщих критериев.

– ?

– Я могу сказать так: Бог, идея Бога – это высшее искусство, ибо есть, если вдуматься, самый отчаянный уход человека от правды. Всё остальное – производные от этой главной идеи.

– Уход от правды – это уход от себя?

– В любом деле и, в особенности, в искусстве, успеха, настоящего успеха может достичь только тот, кто способен хотя бы на время отрешиться от собственной персоны – от собственных проблем и забот, а самое главное – от собственных амбиций.

– Но ведь искусство – всегда восторг, пусть это даже горячие слёзы?

– Для зрителя, слушателя – да; для творца изначально это тяжкий труд души, но и восторг беспримерный, конечно. Надо отметить, что чем дальше, тем больше искусство оборачивается вовнутрь личности; творец пытается понять и уловить тонкости своей собственной души, а не широких народных масс. Поэтому отзвук на его страдания (а искусство – это всегда страдание) будет обнаруживаться всё в меньшем количестве реципиентов, в пределе – он останется единственным потребителем собственного искусства. И это – слияние с богом, то есть с самим собой.

– Но творец нуждается в аудитории.

– Да, конечно. Не стоит тут говорить о важной, но банальной проблеме куска хлеба, его можно добыть и другим путём; прежде всего творец нуждается, остро нуждается в верификации своих страданий, по сути, в определённом сочувствии. Пока нуждается.

– Неужели ты на самом деле думаешь, что когда-нибудь творец останется единственным потребителем своего искусства?

– Если честно, не уверен. Но всё, вроде, к тому идёт. Слезу своим искусством может вышибить только тот, кто сам плачет, когда творит. И именно эти его слёзы – самый драгоценный дар, выпадающий на долю человека, творца. Всё остальное вторично.

– Но ведь далеко не все люди – творцы. Как же будет решаться вопрос окормления всех остальных?

– Я же говорю об очень далёкой перспективе, когда *человек* не сможет не быть творцом.

– Это не утопия?

– Да, наверное. Ты не замечал, когда мы говорим не о технике, науке, космосе и т.д., а о *человеке*, мы больше концентрируемся на надеждах, ожиданиях, мечтах несбыточных.

– Это хорошо, или плохо?

– Чаще плохо, потому что некрасивые люди используют эту чистоту во зло, но это и хорошо, ибо таким образом сохраняется вера в светлое будущее и поощряются шаги к нему.

– А что *для тебя* конкретно есть символ красоты?

– Мысль. Она беспредельна. Она всегда стремится к совершенству.

– Это должно порождать страдание, ведь совершенство недостижимо.

– Да, я страдаю, как ты.

– Это помеха счастью?

– Может быть, единственный путь к нему.

– Ты бы рискнул дать определение понятию «счастье»?

– Наверное, единственно возможное определение счастья – это ощущение не принуждаемой принадлежности. Оно переходит в свою противоположность, *не*-счастье, как только принадлежность воспринимается, как принуждение. Потому семейное счастье редко бывает долговечным.

– Какое счастье может быть долговечным?

– В принципе оно единственно достижимо в ощущении безусловной принадлежности самому себе, своим идеалам. Самодостаточность человека определяет его душевное равновесие. Это не означает, однако, что он обязан отрешиться от суетного мира.

– Ты не отрешился от суетного мира?

– Нет, конечно. Это бы означало отрешиться от любви. Есть ряд общностей, к которым я себя вполне добровольно отношу. С определёнными оговорками, конечно.

– Эти общности создают проблемы?

– У нас нет проблем – мы никому не сделали зла.

– Но, наверняка, вам хотят сделать зло.

– Это их проблемы.

– Они могут его сделать на самом деле.

– Мне будет их жаль.

– Ты будешь мстить?

- Зачем мне их проблемы? Я хочу умереть спокойным.
- А если они сделают тебе больно?
- Нам было очень больно, когда мы рождались. И будет больно, пока живём. Жизнь – это терпение.
- От чего же ты защищаешься, если боль уже сидит в тебе столь глубоко?
- От своей совести. Она беспощадна.
- А как же они?
- Здесь я бессилен. Я могу только казать им пример.
- Ты думаешь, они когда-нибудь поймут?
- Я не могу сделать ничего сверх того. Моя месть не утешит мою боль и не очистит их совесть.
- Как долго это будет продолжаться?
- Очень долго. Может быть, всегда.
- Ты хочешь сказать, что вы безупречны?
- О нет! Я слишком далеко ушёл от животного, чтобы безоговорочно во всех ситуациях прощать и поддерживать своих. Даже их малые изьяны больно режут мне глаза, а чужим я, как раз, могу простить и большие прегрешения.

- Ты можешь быть счастлив?
- Я говорил только о спокойствии.
- Хорошо. Ты можешь быть спокоен?
- Ты ранишь меня в самое сердце. Задавай эти вопросы себе.
- Ты – мудрец.
- Я никогда не говорил о себе такое. Видишь, и ты поставил меня в тупик.
- А мудрец – это кто?

– Я думаю, мудрец – тот, кто в состоянии воспринимать жизнь такой, какая она есть. В принципе, это очень сложная наука. Примирение со вселенской несправедливостью.

- Значит, мудрец – тот, кто отказывается от борьбы?
- Борьба многообразна. Некоторым кажется, что борется только тот, кто с копьём наперевес идёт против ветряных мельниц. Находить способы умиротворения – гораздо более сложная и благородная задача. Это и есть борьба мудрости. Успеха в этой борьбе можно достичь только при умении, способности понимать чужую боль, даже если это кусок кирпича.
- Так может говорить только тот, кто сам ведёт подобную борьбу.
- Мои возможности очень скромны, но я стараюсь.
- Получается, что ты всё-таки мудрец?
- Будет правильнее сказать, что я стремлюсь к мудрости. Обрати внимание – почти бессознательно.

И вряд ли я когда-нибудь доберусь до её самых низших ступеней. Мудрость, очевидно, выражается прежде всего в том, что больше слушаешь и размышляешь, меньше – говоришь. Идеал мудреца – абсолютный молчун. Я, как видишь, не могу удержать свою речь.

- Многие называют тебя учителем.
- Я не позволяю этого.
- Почему? Ты ведь на самом деле учишь людей.
- Да, многие испрашивают у меня совета, и я помогаю, когда это в моих силах. Более того, я могу даже принять плату за какое-то обучение, но допустить, чтобы меня называли учителем, не могу – я не терплю неравноправных отношений. И я категорически не приемлю подобострастия – оно унижает прежде всего меня.

- Ты любишь жизнь?
- Да, пока дышу.
- Ты можешь дать этому объяснение?
- Нет.
- Почему?
- Любой ответ будет неполным.
- В чём для тебя радость жизни?
- В возможности наблюдать.
- Ты искренен?
- Абсолютно.
- Ты хочешь сказать, что еда, секс не увлекают тебя?
- Увлекают.
- О чём ты тогда говоришь?
- И в сексе меня более всего привлекает возможность наблюдать. Любого это привлекает более всего.

Просто осознают очень редко. Почему, по-твоему, так ценится секс с девственницей?

- У тебя было много девственниц?

– Ни одной. Но я найду девственность и в проститутке.

– Ты счастлив?

– Ты уже задавал этот вопрос. Но если ты задаёшь его снова, значит, я могу ответить – да! Вот долго я не мог понять, почему на человека гораздо более сильное впечатление производит музыка, чем изобразительное искусство, хотя именно через зрение к нему поступает около 90 процентов информации. Потом я наконец понял, что через зрение человек получает большую часть внешней информации, но сам передает её преимущественно через голос, а другому человеку важнее всего та информация, которая идёт от брата, от сердца его. Музыка – концентрат этой информации, её божественное проявление. В чередовании звуков композитор пытается уловить какую-то космическую логику, а слушатели так же старательно пытаются понять то малое, что ценой великих мучений всё же удалось высветить композитору. Эту же логику художник пытается выразить посредством красок, а поэт – посредством слов. Это не логика Аристотеля, это иная, божественная логика, которая дарует человеку секунды, минуты (иногда дни и более) радости, вдохновения. Я, человек, с благодарностью пользуюсь предоставленными мне щедрыми дарами, это существенная, едва ли не главная составляющая моего счастья.

– А что такое человек?

– Человек – это трудное. Кто-то сказал, что красота – это трудное, кто-то добавил, что любовь – это трудное, но и то и другое – это лишь сокровенная суть человека, значит, человек – это и есть трудное.

– И для тебя?

– Для меня прежде всего. Хотя нет, я не хочу себя выделять. Человек – это всегда самое трудное.

– Как с этим жить?

– Только так и можно жить. Всё остальное – физиология.

– Ты знаешь много таких?

– Я знаю только себя. Каждый знает только себя.

– Ты одинок?

– Наверное, это прозвучит, как парадокс, но я человек, избалованный одиночеством.

– Разве одиночество балует?

– До этого надо дорасти, конечно. И тогда можно одиночеством действительно наслаждаться.

– Давай признаем, что таких не может быть много. Что ты скажешь об остальных?

– Людям только кажется, что они окружены другими людьми, на самом деле они всегда одиноки.

– Разве этот самообман – не благо?

– До поры до времени. Тем ужаснее бывает прозрение.

– Что же тогда остаётся?

– Личность. У кого её нет, тому действительно трудно.

– Что бы ты мог посоветовать?

– Воспитывать себя. Готовиться к смерти.

– Для тебя это одно и то же?

– Для всех это одно и то же. Но мало кто это осознает, конечно. Вот, всем ясен важнейший фактор времени в нашей жизни, но многие ли понимают, что единственный смысл самого времени в существовании смерти – человека, народа, Земли, Вселенной? Если бы не было Смерти, не было бы и Времени. Время это всего лишь хронометраж смерти.

– О чём ты более всего жалеешь в этой жизни?

– Ничего такого нет. Чтобы жалеть о чём-то в жизни, надо быть очень самонадеянным человеком. Я скромн, возможно, это мой самый большой недостаток. Смысл жизни только в том, что она продолжается, и пока это так, нет ничего, о чём стоило бы жалеть. Кто знает, как бы сложилась твоя жизнь, выиграй ты в прошлом миллион в лотерею?

– Кого бы ты хотел встретить здесь?

– В этой жизни? Себя конечно. И поговорить вдоволь.

– А здесь, вот здесь?

– Вот встретил тебя. И его. И его. На самом деле в любой встрече тебе более всего интересен ты сам, а не собеседник – как ты проявишь себя в новых обстоятельствах, какие неведомые доселе тебе самому сокровища сможешь извлечь из глубин своей тоскующей души и показать их миру и себе. Потому пустые, не имеющие любви люди не в состоянии получить ничего даже от встречи с истинным поэтом, максимум, у них может сохраниться совместная фотография. Они всегда бывают ужасно разочарованы от встречи с известными личностями – ну что, на самом деле, в них такого особенного!

– А что такое любовь?

– Любовь – это знание. Знать – означает любить; любить – означает знать. Такая вот плодотворная взаимосвязь.

– Но ведь существует и любовь с первого взгляда.

– Ты говоришь не о любви, о влюблённости; она недорого стоит по большому счёту, пусть даже порой приводит к самоубийству.

- Что для тебя самое важное?
- Жизнь.
- Я спрашиваю, что для тебя самое важное в жизни?
- Дышать.
- Разве ты не сказал о ком-то: «Скучный человек. Единственное, о чём он может говорить с воодушевлением – еда»?
- Я ошибся.
- Когда?
- Я всегда ошибаюсь.
- Почему же люди считают тебя мудрым?
- Опять ты за своё! Я не знаю. Я себя таковым не считаю.
- Ты искренен?
- Я не считаю, что могу ответить на все вопросы. Даже самые простые из них.
- Но ты чувствуешь в себе силу разума?
- Пожалуй. К чему кокетничать?
- Что она тебе даёт?
- Способность не бояться смерти. Это самое важное.
- А ещё?
- Ты не понял меня. Это – единственное!
- Сколько тебе нужно слов, чтобы дать самому себе характеристику?
- Три. Грешен, жить хочу.
- Это можно сказать о каждом.
- Совершенно верно. Я и не выделял себя особо никогда. А жизнь справедлива также и тем, что никому не оставляет шанса считать себя святым. И те почитаемые за святых старцы, которые ушли в пустынь, лишь замаливали таким образом свои прежние грехи. Перезрелая гордыня вела их туда. И самый тяжкий грех человека – стремление к доминированию – пусть в святости – таким путём ими не был преодолен.
- А как ты охарактеризуешь человека вообще?
- Невозможность примирения и само неизбежное примирение – вот что такое человек. Со дня рождения и до самого последнего дыхания. И вот что: давай поставим здесь точку. Произвольно. Это тоже будет естественным проявлением жизни – она всегда ставит неожиданные знаки препинания.
- Давай. Но только с обещанием снова поболтать.
- Это ты хорошо сказал – именно *поболтать!* Ну, это как бог даст. Я хотел сказать, как приведётся!